

ТЮРКСКИЕ САММИТЫ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ПРИОРИТЕТЫ И ПОЗИЦИЯ В КАРАБАХСКОМ ВОПРОСЕ

Гайк Демоян

После распада СССР и установления межгосударственных связей между Турцией и тюркоязычными государствами новым форматом взаимоотношений стали саммиты глав тюркоязычных государств, проведение которых в свою очередь выявило ограниченность тюркского союза, к которому стремилась Анкара и к идее создания которого, собственно говоря, были приурочены такие встречи с участием первых лиц тюркских государств.

Приоритетными вопросами, обсуждаемыми на саммитах, были проблемы создания общего геоэкономического пространства для двустороннего и многостороннего сотрудничества, с особым акцентом на приоритетность экспорта углеводородных ресурсов каспийского бассейна. К последнему всячески стремились турецкие лидеры, видевшие в нем надежную гарантию обеспечения энергетической безопасности своей страны, а также уменьшения экономического присутствия России в регионе.

Впервые с предложением провести саммиты с участием глав тюркоязычных государств выступил Сулейман Демирель во время официального турне по центральноазиатскому региону в марте 1992г. Турецкая сторона предполагала, что такой формат встреч станет удобной платформой для обсуждения вопросов сотрудничества и перспектив установления тесных политико-экономических взаимоотношений между тюркскими государствами.

В этом смысле саммиты глав тюркских государств представлялись консультативным, координирующим механизмом межгосударственных отношений, не включающим вопросы региональной безопасности.

Идея проведения тюркских саммитов получила открытую поддержку со стороны протурецки настроенного президента Азербайджана А.Эльчибея, который выступал с позиции усиления тюркизма в Азербайджане и за тесное взаимоотношение с Турцией.

Первый тюркский саммит был проведен в Анкаре 30-31 октября 1992г. По мнению турецких аналитиков, проведение такой встречи должно было стать доказательством усиления роли Турции в обширном геополитическом регионе, одновременно показав предпочтению, оказываемое тюркскими рес-

публиками «тюркской модели» развития. Турецкие лидеры возлагали большие надежды на результаты этого саммита, который, кроме всего прочего, должен был стать своего рода обобщающим итогом турецких планов и деклараций, озвученных в ходе визитов на разных уровнях в период за 1991-1992 гг. Особую важность придавалось подписанию итоговой декларации, где должна была быть зафиксирована общность политических целей тюркских стран в будущем¹.

Открывая работу первого саммита, президент Тургут Озал отметил: «21 век может стать веком расцвета тюркоязычных стран, если мы воспользуемся сегодня уникальным шансом, представленным историей, для объединения усилий наших народов»². В ходе саммита Т.Озал предложил создать сообщество тюркских стран по образцу «Общего рынка». Для реализации этой идеи Озал указал на необходимость снятия всех экономических барьеров и значительного упрощения таможенного режима между странами региона. Он также выдвинул инициативу создания регионального банка реконструкции и развития³.

Таким образом, Озал хотел добиться максимальных уступок от тюркских республик в импорте и экспорте, хорошо понимая, что слабые в экономическом плане новосуверенные государства вряд ли смогут что-либо противопоставить турецкой экономической экспансии в регионе.

Повестка первого саммита целиком была турецкой инициативой, состоявшей из нескольких рекомендаций и планов ускоренного сотрудничества, которых должны были придерживаться тюркские государства. Ведущая роль в составлении «плана действий» принадлежала Т.Озалу, причем делалось это без всяких предварительных консультаций с другими тюркскими республиками. Тем самым создавалось впечатление, что Турция без колебаний взяла на себя роль страны – лидера тюркских государств. Подобная роль турецкой стороны явно не устраивала центральноазиатских лидеров, и они, в частности президент Узбекистана И.Каримов, продемонстрировали свое недовольство явно менторской позицией Турции. Не удивительно, что Узбекистан – так же, как и Казахстан – категорически отверг турецкие предложения и планы по созданию наднациональной структуры, координирующей тюркские государства⁴.

Анкарская встреча проходила за закрытыми дверями. Турции не удалось добиться принятия наряду с Анкарским заявлением другого итогового

¹ Независимая газета, 30. 10. 1992.

² Независимая газета, 03. 11. 1992.

³ Независимая газета, 03. 11. 1992.

⁴ *Rasul Yalcin, The Rebirth of Uzbekistan. Politics, Economy and Society in the Post-Soviet Era, Durham Middle East Monograph Series, London 2002, p. 251.*

документа, в котором предлагалось предусмотреть строительство топливной магистрали для экспорта нефти и газа из Туркменистана и Казахстана в Европу через Турцию. Н.Назарбаев посчитал нецелесообразным на этом этапе подписание отдельного экономического документа и предложил включить его основные положения в текст Анкарской декларации¹.

В Анкарское заявление – первый документ, принятый тюркскими саммитами, были внесены только общие фразы о сотрудничестве и взаимопонимании. В тексте заявления главы государств «подтвердили свое желание развивать многостороннее и двустороннее сотрудничество в различных областях, а также стремление сотрудничать в международных организациях на взаимовыгодной основе при совпадении взглядов по различным региональным и международным вопросам». Вторая статья документа гласила: «Главы государств и правительств, подтверждая свое удовлетворение шагами, предпринятыми в мире в области всеобщего мира, стабильности, разоружения и строительства доверия в течение последних лет, выразили свою озабоченность текущими конфликтами на региональном уровне и подчеркнули необходимость их урегулирования мирными средствами на основе уважения суверенитета и территориальной целостности»².

Далее в документе говорилось об особом значении развития и проведения многосторонних и двусторонних инфраструктурных проектов по скорейшему развитию сухопутного, морского и воздушного транспорта и телекоммуникаций между странами, учитывая, что торгово-экономическое сотрудничество является важным фактором их отношений. В документе предлагалось без ущерба своим международным обязательствам учредить несколько рабочих групп с целью принятия необходимых мер и шагов для развития совместных проектов и предприятий в области промышленности, энергетики, сельского хозяйства, в сфере услуг, а также в исследовании, управлении и транспортировке нефти, природного газа и минеральных ресурсов и в обеспечении взаимного технического содействия и технической подготовки³.

Отдельно была отмечена полезность организации регулярных консультационных встреч между министерствами иностранных дел по меньшей мере раз в год и консультаций между министрами иностранных дел или их представителями, особенно перед встречами в международных организациях⁴.

¹ Независимая газета, 03. 11. 1992.

² Уразова Е., Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ, М., 2003, с. 171.

³ Там же, с. 172.

⁴ Там же.

В Анкарском заявлении отмечались также особые отношения тюркских государств, основанные на общности истории, языка, культуры; желание развивать многостороннее и двустороннее сотрудничество в различных областях, а также стремление этих государств сотрудничать в международных организациях на взаимовыгодной основе при совпадении взглядов по различным региональным и международным вопросам¹. В документе подтверждалась также приверженность принципам демократии, секуляризма и рыночной экономики.

В ходе саммита потерпели неудачу совместные турецко-азербайджанские усилия по признанию самопровозглашенной Турецкой республики Северного Кипра и осуждению позиции Армении в карабахском вопросе и принятию отдельных документов по этим вопросам.

Работа саммита обернулась практически полным провалом турецких планов установления политического альянса по принципу конфедерации и создания «Тюркского банка развития», предложенных Т.Озалом. Более того, не нашло поддержки и предложение по созданию общетюркского рынка. Отказ тюркских лидеров строить отношения с Турцией на пантюркистской платформе вызвал явное разочарование в Анкаре, в первую очередь у президента Т.Озала².

Таким образом, Анкарский саммит, можно сказать, стал водоразделом между эйфорическим периодом внешней политики Турции по отношению к тюркским государствам и периодом относительно прагматических подходов в «тюркском направлении».

По итогам первого саммита президент Турции Т.Озал отметил: «Это первая встреча руководителей тюркских республик, и она имеет большое значение. Мы будем уделять внимание главным образом развитию экономических отношений между нашими странами. Будут также обсуждаться некоторые вопросы с точки зрения достижения единства тюркских государств. Как и ожидалось, мы будем заниматься и организационными вопросами. Подобные встречи необходимо проводить ежегодно»³.

Видевшая в тюркских саммитах откровенную политику Турции по «отторжению» тюркоязычных республик бывшего СССР из региона так называемого «ближнего зарубежья», который РФ рассматривала как зону своих интересов, официальная Москва первой выразила свое недовольство проведением встречи глав государств такого формата. Более того, по мнению рос-

¹ Там же.

² Токаев К., Под стягом независимости: очерки о внешней политике Казахстана, Алматы, 1997, с. 500.

³ Азербайджан, 02. 11. 1992, цитата по *Натик Мамедли*. Вопросы интеграции на саммитах глав тюркоязычных государств, Центральная Азия и Кавказ, N 1 (25), 2003, с. 159.

сийской стороны, проведение встреч в таком формате могло нести скрытую угрозу национальной безопасности РФ ввиду возможного тяготения тюркоязычных регионов России к более тесному сотрудничеству в рамках отношений с Турцией и тюркоязычным ареалом бывшего Советского Союза. Впрочем, позиция России в этом вопросе более чем понятна, поскольку к концу 1992г. Москва в корне пересмотрела прежнюю «козыревскую доктрину» во внешней политике и путем формирования Содружества независимых государств (СНГ) и подписания Договора о коллективной безопасности в мае 1992г. стремилась обеспечить себе более или менее видимое присутствие на бывших советских территориях.

В конце Анкарского саммита было решено, что следующая встреча тюркских лидеров пройдет в октябре 1993г. в столице Азербайджана Баку, с оговоркой, что окончательная дата встречи будет согласована по дипломатическим каналам. В конце концов, Бакинский саммит не состоялся ни в 1993, ни в следующем году.

Саммиты тюркоязычных государств не рассматривались Центрально-азиатскими республиками как приоритетные. Это видно и на примере нарушения ежегодного графика проведения саммитов. В последнем обстоятельстве не малую роль сыграло и давление со стороны России.

Именно этим обстоятельством был вызван первоначальный перенос проведения второго тюркского саммита в Баку, а впоследствии и вовсе его отмена¹. Таким образом, явное отрицательное отношение Москвы к намеченной бакинской встрече, экономическая привязанность среднеазиатских стран к России привели к тому, что, как сообщила турецкая пресса, И.Каримов выступил за перенос встречи, а без участия лидера Узбекистана такая встреча была бы малорезультативной².

Следующий, второй саммит глав тюркоязычных государств был создан в Стамбуле в конце октября 1994г. На саммите присутствовали первые лица тюркских государств. Работа саммита прошла под аккомпанемент взаимной полемики российской и турецкой сторон.

Перед началом работы саммита российский МИД выразил озабоченность по поводу факта проведения встречи на высшем уровне именно в таком формате и призвал участников саммита не поддаваться на пантюркистскую политику, что вызвало резкое недовольство турецкой стороны. Сулейман Демирель назвал опасения российской стороны «неубедительными»³. Ту-

¹ Summit of Turkic Speaking Countries Postponed, RFE/RL Reports, 18. 01. 1994, HU-OSA, 300/80/3/Box II.

² Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века, М., 2001, с. 433.

³ *Herve Couturier* (AFP), Turkic Countries Affirm Independence from Russia, RFE/RL Reports, 19. 10. 1994, HU-OSA, 300/80/3/Box II, *Gareth Winrow*, Turkey's Evolving Role in the Post-Soviet World, The Political Economy of Turkey in the Post-Soviet Era. Going West and Looking East?, London, 1998, p. 109.

рецкий президент также заявил, что «Турция не преследует ни пантюркистские, ни панисламские цели. Мы не стараемся взять руководство в Центральной Азии, но вместе с тем Турция не может остаться безразличной к тамошним развитиям»¹. Следует также отметить, что очередной саммит СНГ был назначен сразу же после тюркского саммита, 21 октября 1994г., и турецкие аналитики связывали это с чрезмерной «ревнивостью» российской стороны.

В отличие от первого саммита, на этот раз стороны проявили активность и выступили с конкретными предложениями по установлению более тесных взаимоотношений между тюркоязычными странами. На саммите президент Казахстана Н.Назарбаев выступил с идеей организовать Евразийский экономический союз с участием стран Восточной Европы и Китая. В повестку саммита было включено также обсуждение нагорнокарабахского конфликта, с целью добиться от участников позиции, устраивающей Азербайджан.

Среди обсуждаемых вопросов самым важным для Турции являлся вопрос экспорта углеводородного сырья каспийского бассейна через Турцию на европейские рынки. Отдельно был обсужден также статус Каспия. Отмечалась возможность превращения Каспийского региона в зону экономического сотрудничества и реализации многосторонних проектов по освоению энергоресурсов.

Следует оговорить, что в итоговых декларациях последующих саммитов сохраняется преимущество основных положений Анкарской и Стамбульской деклараций. В Стамбульской декларации была подчеркнута значимость добычи, наиболее экономичной и скорой доставки на мировые рынки нефтегазовых ресурсов тюркских стран, а также сотрудничества и реализации совместных проектов в этой области. Особо отмечалась проделанная работа по прокладыванию газо- и нефтепроводов через Турцию в Европу и Средиземноморье.

В 20 статье лидеры тюркских стран отмечали, что осуществляемое с участием других заинтересованных стран наращивание сотрудничества по оживлению исторического «Шелкового пути» могло бы способствовать развитию политических, экономических и культурных связей между тюркскими государствами и народами, а также развитию, процветанию и установлению стабильности в Евразии².

Третья по счету встреча глав тюркских государств состоялась 28 августа 1995г. в Бишкеке. Саммит был приурочен к празднованию 1000-летия киргизского эпоса «Манас». Открывая работу саммита, президент Кыргызста-

¹ *Aliza Marcus*, Turkey, Ex-Soviet States to Open Summit, RFE/RL Reports, 17. 10. 1994, HU-OSA, 300/80/3/Box II. Turks Scored Diplomatic Point Off Russians at Russians at Pan-Turkic Summit, RFE/RL Reports, 21. 10. 1994, HU-OSA, 300/80/3/Box II, Turkey Angered by Russian Summit Opposition, RFE/RL Reports, 21. 10. 1994, HU-OSA, 300/80/3/Box II.

² Documents d'actualité internationale, Paris, 1995, 15 janvier, No. 2, p. 68.

на А.Акаев отметил, что тюркские республики после долгой изоляции должны восстановить взаимовыгодные связи и усилить сотрудничество. Президент Туркменистана С.Ниязов в своей речи был подчеркнуто осторожен в вопросе дальнейших интеграционных процессов, указывая на необходимость учитывания существующих политических реалий и политико-экономических особенностей каждой республики. Туркменбаши позитивно высказался относительно роли России в регионе и высоко оценил вклад РФ в поддержание суверенитета Туркменистана¹.

В подписанном по итогам третьего саммита документе в основном повторялись пункты Стамбульской декларации. Статья 14 делала особый акцент на важность интеграционных процессов между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном. Отдельно указывалась также необходимость военного и экономического сотрудничества. Следует заметить, что это подчеркивало тенденцию частичного «устранения» Турции от этих процессов.

Отдельная статья в декларации касалась вопроса о совместной борьбе против наркотрафика, незаконной торговли оружия и терроризма. Вновь отмечалась возможность превращения каспийского региона в зону экономического сотрудничества и реализации многосторонних проектов по освоению энергоресурсов.

Турецкий лидер особо подчеркивал важность налаживания коммуникационных линий между Анатолией и центральной Азией. На бишкекском саммите турецкий президент С.Демирель отметил, что для Турции проект строительства автотрассы, соединяющей Центральную Азию с Турцией, представляется приоритетным с точки зрения экспорта богатых ресурсов этого региона на мировые рынки через Турцию².

18-21 октября 1996г. в Ташкенте состоялся четвертый тюркский саммит. Выступая с приветственной речью, президент Узбекистана Ислам Каримов особо отметил необходимость устранения прежних разногласий и противоречий среди тюркских республик. Он указал на ограниченность тюркской солидарности на примере несостоятельности оказания помощи уйгурскому населению Синцзянского округа Китая. Были отмечены и возрастающие роль и влияние Китая в регионе.

В седьмом пункте Ташкентской декларации говорилось: «Главы государств высказались за всемерное развитие торгово-экономического сотрудничества тюркоязычных государств, расширение экономических связей на различных уровнях, содействие экономическим интеграционным процессам,

¹ Turkmen Leader Says Common Language Not Enough to Form Bloc, ITAR-TASS, 28. 08, 1995.

² <http://www.b-info.com/places/Turkey/news/95-08/aug28.tpr>

устранение препятствий во взаимной торговле и установление благоприятного правового режима для физических и юридических лиц при осуществлении ими хозяйственного взаимодействия в целях создания единого рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, без нанесения ущерба своим международным обязательствам»¹.

В следующей статье главы государств подчеркивали особую важность разработки и добычи богатых природных ресурсов своих стран, в первую очередь природного газа, нефти и гидроэнергетических ресурсов, высказались за принятие неотложных мер по реализации совместных проектов прокладки трубопроводов и линий электропередач для транспортировки энергоносителей на мировые рынки с привлечением к этим проектам заинтересованных государств, международных финансовых институтов, государственных и частных структур². Отдельно была отмечена выполненная соответствующими государственными и международными организациями работа по прокладке нефте-газопроводов через Турцию к берегам Средиземного моря и в Европу. В центре внимания тюркских лидеров оказались также вопросы развития экономичных транспортных систем в регионе, они высказались за скорейшую реализацию серахских (1996г.) четырехсторонних договоренностей по транзиту и железнодорожному сообщению с задействованием транскавказского коридора и приветствовали усилия Европейского Союза по проектам ТРАСЕКА. Они также поддержали инициативу создания транспортного пути «Центральная Азия – Афганистан – Пакистан» с выходом к Индийскому океану как части транспортного коридора «Север – Юг».

9 июня 1998г. в новой столице Казахстана Астане прошел пятый по счету саммит тюркских государств. На саммите Туркменистан представлял председатель Меджлиса этой страны Сахат Мурадов. Остальные тюркские страны были представлены на уровне первых лиц.

В своей вступительной речи президент Казахстана Н.Назарбаев заметил: «Становой хребет современного тюркского мира составляют шесть государств, простирающихся от Алтайских гор до Средиземного моря. История распорядилась так, что тюркский мир возник и развивался, с одной стороны, как посредник между исламской и восточноевропейской цивилизациями, а с другой – интегрировал исламский мир с Китаем и буддийской цивилизацией. И если в эпоху средневековья тюркские государства по-своему оказывали структурирующее воздействие на соседние и сопредельные народы, то в последние столетия сами тюрки по различным причинам подверглись мо-

¹ Уразова Е., Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ, М., 2003, с. 175.

² Там же, с. 176.

дернизации по западному образцу. В той или иной мере это нашло отражение в современном государственном устройстве, менталитете, образе хозяйства и стиле жизни наших народов»¹.

Во время своего выступления на саммите И.Каримов заявил, что саммит не должен рассматривать политические вопросы и тем самым политизировать формат этих встреч, а также затрагивать проблемы безопасности ввиду отсутствия на саммите Ирана и Таджикистана².

В Астанской декларации вновь была отмечена важность совместного осуществления программы «Восстановление Шелкового пути», чрезвычайно значимой для экономики региона и укрепления взаимовыгодного сотрудничества.

В декларации вновь было отмечено, что неурегулированность конфликта между Арменией и Азербайджаном наносит ущерб экономическому развитию этих стран и улучшению благосостояния народов, и, исходя из гуманных целей, подчеркивалась важность мирного урегулирования конфликта на основе резолюций Совета Безопасности ООН и принципов Лиссабонского саммита ОБСЕ.

Президент Турции посчитал не менее важным обустройство западной части тюркского мира, указывая на целесообразность строительства железной дороги Карс-Ахалкалаки-Тбилиси³. Этот транспортный проект нацелен на полную изоляцию Армении от региональных транспортных проектов и создание прямого железнодорожного сообщения с Азербайджаном и Центральноазиатским регионом через Грузию.

В Астане участниками саммита впервые было утверждено разработанное министерствами иностранных дел Положение о Секретариате встреч глав тюркоязычных государств (СВГТГ) с возложением контроля за осуществлением деятельности Секретариата на внешнеполитические ведомства.

Указывая на наличие значительных топливно-энергетических ресурсов тюркского ареала, казахский лидер отметил, что «в совокупности тюркские государства могут выступать в качестве единой ресурсно-транспортной структуры, в которой богатые энергетическими ресурсами и полезными ископаемыми страны выступают партнерами и используют возможности транзита через другие государства»⁴. Сахат Мурадов, представляющий на саммите Туркменистан, заметил, что приоритет следовало бы отдавать вопросам ре-

¹ Козлов Ю., Шелковым путем в XIX век. Заметки с Пятого саммита глав тюркоязычных государств, Тюркский мир, N 2, 1998, с. 2.

² M. Laumulin. Turkey and Central Asia, Central Asia's Affairs, N 3, p. 18.

³ Козлов Ю., Шелковым путем в XIX век. Заметки с Пятого саммита глав тюркоязычных государств, Тюркский мир, N 2, 1998, с. 3.

⁴ Там же, с. 4.

гионального сотрудничества и что встречи глав тюркоязычных государств должны быть свободны от идеологической и политической подоплеки¹.

Прошедший в апреле 2000г. шестой тюркский саммит в Баку стал весомым доказательством углубления противоречий между тюркскими государствами, вновь выявив, что между этими государствами больше разъединяющего, нежели объединяющего, и показав заинтересованность в резком усилении экономического компонента сотрудничества. Отсутствие на Бакинском саммите президента Узбекистана И.Каримова и президента Туркменистана С.Ниязова можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, между Азербайджаном и Узбекистаном возникали трения еще со времен президента А.Эльчибея. Кроме того, узбекский лидер придерживался обособленной линии, проводя особую политику в межтюркских отношениях и стараясь противодействовать менторскому и покровительственному тону турецких политиков, которых всячески поддерживала азербайджанская сторона.

Накануне Бакинского саммита бывший президент Азербайджана А.Эльчибей, который проходил в Турции курс лечения, призвал «турецких братьев» содействовать Баку в деле «освобождения Нагорного Карабаха от армянской агрессии и Южного Азербайджана от иранской оккупации»².

Выступая с речью во время открытия саммита, С.Демирель отметил: «Тюркский мир ожидает прекрасное будущее. В результате наших общих усердий 21 век будет веком тюркского мира»³.

В формулировке Бакинской декларации существенные новшества не внесены, в том числе и в вопросе нагорно-карабахского конфликта. Как и ожидалось, основным предметом обсуждения стал экспорт каспийской нефти. Сразу же после саммита состоялась торжественная церемония, посвященная 1300-летию юбилею тюркского эпоса «Китаби Деде-Коркут», который, вопреки существующему в научных кругах мнению, азербайджанская сторона продолжает представлять в качестве исконно азербайджанского литературного памятника.

В преддверии открытия седьмого тюркского саммита в Стамбуле в 2001г. государственный министр Турции Абдулхалук Мехмет Чай признал недостаточной работу по сближению тюркоязычных государств и призвал ускорить укрепление экономического и культурного сотрудничества. В свою очередь, президент Туркмении С.Ниязов обвинил руководство Турции в преследовании не экономических, а именно политических интересов⁴.

¹ Там же, с. 4-5.

² Независимая газета, 08. 04. 2000.

³ *Anatolian News Agency*, 08. 04. 2000.

⁴ Независимая газета, 15. 05. 2001.

Второй Стамбульский саммит на этот раз проходил 26-27 апреля 2001г. в рамках празднования 700-летия Османской империи. Демонстративное отсутствие И.Каримова на саммите тюркоязычных стран стало свидетельством недолговечности очередного потепления в турецко-узбекских двусторонних отношениях, что, впрочем, было связано с покушениями на узбекского лидера в 1999г. и муссировавшимися слухами о наличии в нем турецкого следа¹. На этот раз на саммите страну представлял спикер узбекского парламента Эркин Халилов.

Стамбульский саммит прошел на фоне затянувшегося финансово-экономического кризиса в Турции, приведшего к полному коллапсу экономики страны. Периодические экономические кризисы, а также внутренние и внешние проблемы серьезным образом ограничивали желание Турции дать новые импульсы «тюркскому единению» под верховенством Анкары.

Стоит отметить, что накануне Стамбульского саммита в азербайджано-турецких отношениях также назрел скандал. До этого причиной охлаждения отношений между Баку и Анкарой был официальный визит Г.Алиева в Париж сразу после принятия Францией резолюции об официальном признании Геноцида армян. В преддверии Стамбульского саммита возник скандал, связанный с родниковым комплексом, построенным на средства Турции и снесенным бакинкой мэрией. По этому поводу турецкая сторона отправила ноту протеста, а турецкие СМИ обвинили президента Азербайджана в «ведении двойной игры с братской Турцией»².

Седьмой тюркоязычный саммит проходил в обстановке конфиденциальности за закрытыми дверями. Большую часть переговоров занял вопрос реализации региональных энергетических проектов: нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан и Транскаспийского газопровода. Особое значение придавалось также проблеме будущего статуса Каспия. Отдельной темой обсуждения был вопрос транспортировки туркменского газа, и туркменский лидер выразил свое недовольство решением турецкой стороны экспортировать российский газ вместо дешевого туркменского газа³. Азербайджанскую и турецкую стороны беспокоил вопрос рентабельности проекта ОЭТ Баку-Джейхан, поскольку участие казахстанской стороны намного повысило бы эффективность данного проекта. Несмотря на наличие разногласий между Азербайджаном и Туркме-

¹ «Господин Каримов как-то заявил, что у него есть конкретные «свидетельства» того, что осуществленный против него фундаменталистский заговор замыслился в Турции», *The Economist*, November 25, 2000. *Г. Демоян*, Тюркский мир: мечты или долгосрочные программы?, Взгляд из Еревана, (на арм. яз.), 2000, N4, с. 32-35. Впрочем, кроме подтвержденной информации о попытках покушения на Г.Алиева, И.Каримова с участием турецких спецслужб, существует предположение и об аналогичной операции против Туркменбаши, См. *M. Laumulin*, Turkey and Central Asia, *Central Asia's Affairs*, N 3, p. 14-15.

² Эхо, 24. 04. 2001.

³ http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1301000/1301420.stm 28. 04. 2001.

нистаном, последний рассматривал Азербайджан как стратегически важную страну в плане постройки Транскаспийского газопровода, предназначенного для экспорта туркменского газа в Турцию и далее – в Европу¹.

Президент Казахстана Н.Назарбаев на саммите вновь озвучил намерение своей страны использовать для экспорта казахстанской нефти и инфраструктуру Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) от северного Каспия до Новороссийска, подтвердив тем самым свои партнерские отношения с Россией².

Было ясно, что турецкая сторона всячески стремится склонить Н.Назарбаева к принятию решения в пользу транспортировки казахстанской нефти по нефтепроводу Баку-Джейхан, тем самым резко увеличив значение и прибыльность последнего. Накануне открытия саммита турецкая организация *TUSIAD* дала званый обед в честь президента Казахстана. Председатель организации Тунджай Озильхан отметил, что «самое большое желание членов этой организации – это скорейшая разработка казахстанских нефтяных месторождений и транзит казахстанской нефти по ОЭТ Баку-Джейхан»³.

Результатом двухдневных переговоров глав государств стала Стамбульская декларация, где стороны в очередной раз выразили намерение укрепить сотрудничество между тюркскими странами в областях международных отношений, культурного обмена, а также продолжить работу по сближению своих народов. Документ имел чисто декларативный характер, поскольку в нем не говорится о том, какие конкретные меры стороны намерены предпринять в этом направлении.

В декларации была также отмечена проблема терроризма на территории Центральной Азии, и лидеры тюркоязычных стран пообещали бороться с этим злом. Однако призыв президента Казахстана принять план действий по совместной борьбе не нашел отклика у его тюркских коллег⁴.

Единственным заметным результатом седьмого тюркского саммита стало временное примирение Азербайджана и Туркменистана. Разногласия между обоими государствами, порой принимающие воинственный характер, были вызваны спорной принадлежностью нескольких нефтяных месторождений в центре Каспийского моря. Для разрешения всех проблем, касающихся принадлежности этих месторождений, а также определения нового статуса Каспия, туркменский лидер предложил президенту Азербайджана Г.Алиеву встретиться и обсудить все эти вопросы. В Стамбуле оба лидера договорились о созда-

¹ Эхо, 26. 04. 2001.

² <http://www.nato.int/docu/colloq/2001/2001-17e.pdf>

³ Эхо, 27. 04. 2001.

⁴ Саммит тюркских государств завершился подписанием очередной декларации, *BMIgnews.com*, 28. 04. 2001, <http://uzland.freenet.uz/2001/april/29.htm>

нии экспертных групп для разграничения спорных территорий на Каспии и для подготовки межгосударственного соглашения¹.

В кулуарах саммита президент Азербайджана Г.Алиев, затронув вопрос Геноцида армян, отметил, что армянское лобби выдвигает несправедливые обвинения в адрес Турции и что подобные заявления равноценны обвинениям в адрес Азербайджана².

Сотрудничество между тюркскими странами к тому времени оформилось в рамках различных международных организаций, программ в области экономического, военного сотрудничества, а также в области безопасности. На саммите тюркские лидеры призвали к более тесному сотрудничеству, особенно в развитии мелкого и среднего бизнеса, в борьбе против терроризма, особый акцент был сделан на совместной борьбе с наркотрафиком. Особое значение придавалось деятельности *TURKSOY* в продвижении сотрудничества между общественными организациями тюркского мира³. В декларации подчеркивалось значение контактов между ОБСЕ и Организацией Исламской Конференции для развития международного сотрудничества⁴.

Пантюркистская риторика Турции в ходе первого тюркского саммита в Анкаре не вполне устраивала другие тюркские страны, для которых первоочередной задачей являлось скорейшее устранение кризисных явлений в экономике этих стран и дальнейшее продвижение реформ в государственном строительстве. Стремление Анкары использовать формат тюркских саммитов для устранения международной изоляции самопровозглашенной «Турецкой республики Северного Кипра» не находило отклика в тюркских республиках Центральной Азии, где вовсе не желали обострений в международных отношениях.

Несмотря на отсутствие разногласий и серьезных проблем в двусторонних отношениях, на совпадение взглядов по многим основным международным вопросам, турецкий вектор не стал доминирующим во внешней политике ни одной из центральноазиатских стран. Итоговые документы саммитов глав тюркоязычных государств явились тому подтверждением. Они не содержали положений, указывающих на особые отношения этих стран в какой-либо иной сфере, кроме культурно-образовательной⁵.

¹ Там же. После стамбульского саммита напряжение между Туркменистаном и Азербайджаном не ослабло, а после взрыва на борту азербайджанского танкера «Генерал Шихлинский» в туркменском порту Туркменбаши, в результате которого погибли шестеро азербайджанских моряков, подозрения пали на туркменскую сторону. См. *Anar Valiyev. Azerbaijan-Turkmen Relations: Quarreling Brothers, Central Asia Caucasus Analyst*, July 31, 2002.

² *Ариф Усейнов, Аркадий Дубнов. Трещина в тюркском единстве, Время новостей, N 77, 28. 04. 2001, <http://www.vremya.ru/print/9431.html>*

³ *Insight Turkey*, April-June, 2001, vol. 3, Number 2, Ankara, p. 192.

⁴ <http://www.cawater-info.net/library/rus/stambul.pdf>, «Insight Turkey», April-June, 2001, vol. 3, Number 2, Ankara

⁵ *Токаев К.*, Под стягом независимости: очерки о внешней политике Казахстана, Алматы, 1997, с. 512.

Вместе с тем, в них была зафиксирована приоритетность экспорта нефтяных ресурсов Каспийского бассейна в международные рынки через территорию Турции.

Карабахский вопрос на тюркских саммитах

Другим выражением уязвимости неопантюркистских планов Турции стали неудачные попытки Анкары добиться «всетюркского согласия» на саммитах с участием глав тюркоязычных государств, что особенно ярко проявилось во время обсуждений по карабахскому вопросу. Несмотря на все усилия Турции и Азербайджана, в заключительном Анкарском заявлении, подписанном по итогам первого тюркского саммита в начале ноября 1992г., никакого упоминания о карабахском конфликте не было. Лидеры Центральноазиатских республик наотрез отказались от идеи принятия отдельного документа по карабахскому вопросу и от применения односторонних мер в отношении Армении. Во время итоговой пресс-конференции президент Казахстана Н.Назарбаев недвусмысленно заявил, что «тюркским государствам нельзя поддерживать в этом конфликте одну из сторон»¹. Назарбаев выступил также против идеи применения экономического эмбарго против Армении, считая, что такой шаг может еще больше осложнить ситуацию в регионе. Он также исключил возможность какого-либо заявления по кипрскому или боснийскому вопросу.

В целом этот саммит можно считать большим разочарованием для Турции, хотя в последующие годы Анкара активно продолжала предпринимать новые инициативы в этом направлении. По итогам саммита азербайджанскому президенту А.Эльчибею оставалось только заявить, что в случае принятия отдельной резолюции по карабахскому вопросу «нас могли бы обвинить в том, что мы выступаем единым фронтом против Армении, которая является христианской страной»².

Было очевидно, что взятые центральноазиатскими республиками (кроме Туркменистана) обязательства в рамках подписанного в Ташкенте Договора о коллективной безопасности оказались более влиятельными и определяющими на тот момент, чем перспективы создания пантюркистского союза. Ташкентский договор фактически предопределил частичный «возврат» России в бывшие регионы СССР в форме размещения военных баз на территории Армении и Таджикистана. Позиция России к тюркским саммитам была однозначна: Москва открыто выражала свое недовольство участием на этих саммитах тюркских республик-членов СНГ.

¹ Независимая газета, 03. 11. 1992.

² Независимая газета, 03. 11. 1992.

Следует также отметить, что обязательства, предусмотренные ташкентским договором, не получили однозначной интерпретации со стороны Центральноазиатских стран в отношении, например, вероятной войны Армении с Азербайджаном. Ведь в этом случае, согласно договору, Армения могла рассчитывать на поддержку не только РФ, но и Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана.

Так, председатель государственного комитета Кыргызстана Джанибек Умелдиев, комментируя заявление Левона Тер-Петросяна о том, что в случае угрозы территориальной целостности Армении вступит в силу договор о коллективной безопасности, а вооруженные силы СНГ будут исполнять союзнические обязательства, отметил, что «приверженность к подписанным обязательствам не означает автоматического участия Кыргызстана в боевых действиях»¹.

В свою очередь президент Узбекистана Ислам Каримов в интервью турецкой газете «*Türkiye*», призывая Турцию избегать прямого вовлечения в зону карабахского конфликта, заметил, что «проблему должны решать они сами (имеются в виду армяне и азербайджанцы – *авт.*), а размещение сил СНГ будет мало результативным. Проблема должна получить свое разрешение в рамках ООН. Некоторые страны (в числе этих стран И.Каримов имел в виду и Турцию – *авт.*), желая приобрести авторитет, хотят вмешаться, но всякое вмешательство третьей стороны может привести к большой трагедии. Мы, как мусульмане и турки, заодно с нашими братьями-азербайджанцами, но на данный момент мы должны оставаться в стороне»².

Провал турецких усилий по созданию единого тюркского фронта против Армении во время Анкарского саммита глав тюркских государств, а также неспособность спасти протурецкий режим Абульфаза Эльчибея в Азербайджанешний раз доказали несоответствие реальных возможностей Анкары ее региональным амбициям. Устранение от власти режима А.Эльчибея фактически показало, что турецкие амбиции в отношении статуса регионального лидера на Южном Кавказе слишком уязвимы и нереальны³. Более того, согласно бытующему в некоторых интеллектуальных кругах Турции мнению, устранение А.Эльчибея вызвало скорее «разочарование, нежели чувство поражения»: событие, имевшее также и символическое значение в плане выявления неподготовленности Турции для роли регионального лидера, к которой она стремилась, и которое впоследствии обернулось полным

¹ Азг, 02. 07. 1992.

² *Türkiye, Istanbul*, 09. 04.1992, см. *Henry Hale*. Islam, State-building and Uzbekistan Foreign Policy, p. 148.

³ *Mehmet Tütüncü*. Turkey's Foreign Policy in the Caucasus, *Turkestan Newsletter*, vol. 97-1:14a, Special Analysis Issue, 23 June 1997.

пересмотром возможностей Турции по оказанию сколь-нибудь серьезного влияния на развитие событий в регионе¹.

Таким образом, итоги первого тюркского саммита ясно показали, что связи Центральной Азии с Российской Федерацией доминировали над культурно-этническими связями с Турцией².

Даже в азербайджанских кругах хорошо понимали опасность и бесперспективность пантюркистских планов для будущего республики и в некоторых случаях сравнивали такие идеи с планами Гитлера, преддрекая им ту же участь, что и фашистским планам³. Тесные взаимоотношения лидера турецких «Серых волков» Алпарслана Тюркеша с его азербайджанским коллегой, лидером Партии национальной независимости Азербайджана (ПННА) Этибаром Мамедовым неоднозначно воспринимались в Азербайджане⁴.

Кроме того, в русскоязычной интеллектуальной среде Баку довольно пессимистически относились к замене доминирующего влияния русской культуры на турецкое, и всякие акценты на тюркскую идентичность азербайджанцев и необходимость распространения турецкого влияния считали неприемлемыми. Это наглядно проявилось, в частности, в реакции бакинской интеллигенции на принятый азербайджанским парламентом закон, гласящий, что государственным языком Азербайджана является тюркский.

И хотя Турция со временем обеспечила свое культурно-образовательное присутствие в тюркских регионах бывшего Советского Союза, все же позиции русского культурного и образовательного присутствия продолжают оставаться сильными.

Во время первого тюркского саммита было принято решение о проведении второго саммита в Баку в конце 1993г., но российская сторона устами первых лиц всячески выражала свое недовольство проведением такого саммита в столице Азербайджана. На прошедшем в декабре 1992г. очередном саммите СНГ в Ашхабаде Б.Ельцин высказался против намеченной встречи в Баку и оказал определенное давление на президента Узбекистана И.Каримова⁵.

Очевидно, что проведение такого саммита в столице Азербайджана с участием в нем лидеров Центральноазиатских республик оказало бы определенное негативное воздействие на их взаимоотношения не только с Арменией, но и с РФ.

Стараясь всячески добиться проведения второго тюркского саммита в

¹ *Elizabeth Fuller. Azerbaijan at the Crossroads*, p. 15.

² *Ola Tunander. A New Ottoman Empire?*, p. 419.

³ Интервью с научной сотрудницей Института востоковедения АН Азербайджана Э.Гасановой, *Cumhuriyet*, 06. 07. 1992, см. Дрошак, 12. 08. 1992, с. 39.

⁴ *Расизаде А.*, Азербайджан: новые политические ориентиры, Азия и Африка сегодня, М., N 12, 1992, с. 9-10.

⁵ *Milliyet*, 27. 01. 1994.

Баку, азербайджанские официальные лица неоднократно указывали на прошлые визиты лидеров тюркских стран в столицу Азербайджана¹.

Но все же идея проведения саммита в Баку потерпела полное фиаско. Сначала дата его открытия была передвинута на январь 1994г., а впоследствии встреча и вовсе была отменена. Кроме прямого давления российского руководства на участников тюркских саммитов, отмену намеченного бакинского саммита можно объяснить и следующими важными моментами. Прежде всего, привлечение сотен афганских моджахедов в боевые действия карабахского конфликта не могло не беспокоить республики Центральной Азии, которые в свою очередь всячески старались остановить проникновение исламского фундаментализма в Таджикистан и на территорию собственных стран². Несомненно, планы президента Азербайджана Г.Алиева по привлечению афганских наемников в зону карабахского конфликта серьезным образом поставили бы под удар безопасность всего евразийского региона.

С середины 1993г. появились серьезные разногласия и в турецко-азербайджанских взаимоотношениях. Они были обусловлены первыми шагами Г.Алиева на посту президента Азербайджана, которые Анкара рассматривала как попытки вернуть Азербайджан в лоно СНГ и таким образом решить вопрос Карабаха. Официальный Баку, в свою очередь, тоже особо не скрывал причины такого подхода. В августе 1993г. Г.Алиев в открытую заявил, что он обращался за помощью к России, чтобы «остановить армян», и что «ему все равно, если это беспокоит некоторых людей»³.

С первых же дней после прихода к власти Алиев предпринял беспрецедентные шаги в отношении граждан Турции. Во-первых, из республики были выдворены граждане Турции. За этим последовал ввод визового режима между двумя странами. В числе выдворенных из Азербайджана турецких граждан было около полутора тысяч военных инструкторов и солдат, принимавших участие в боевых действиях в Карабахе и в становлении азербайджанской армии⁴. Западные журналисты даже зафиксировали факты, когда не имеющие визы турецкие граждане отлавливались на улицах азербайджанской столицы и депортировались на родину⁵.

Турецкое военное вмешательство в зону конфликта и большая вероятность поднятия вопроса об экономической и политической блокаде Арме-

¹ Gareth M. Winrow, *Turkey in Post-Soviet Central Asia*, RIIA, London, 1995, p. 20.

² Joseph A. Kechichian, Theodore W. Karasik, *The Crisis in Azerbaijan: How Clans Influence the Politics of an Emerging Republic*, «Middle East Policy», Vol. IV, N. 1-2, September 1995, p. 63. Об участии афганских наемников в карабахской войне см. главу 9.

³ *Turkish Daily News*, 30. 08. 1993.

⁴ Joseph A. Kechichian, Theodore W. Karasik, *The Crisis in Azerbaijan: How Clans Influence the Politics of an Emerging Republic*, «Middle East Policy», Vol. IV, N. 1-2, September 1995, p. 64.

⁵ Elizabeth Fuller, *Azerbaijan at the Crossroads*, p. 15.

нии теперь уже на бакинском саммите также играли не второстепенную роль в незаинтересованности центральноазиатских лидеров в участии в этом саммите.

Одновременно, Баку и Анкара не раз заявляли, что проведение саммита не направлено против какой-либо страны, вместе с тем не скрывая своего желания выступить с совместным заявлением, осуждающим Армению. Центральноазиатские республики критиковались также за экономическое сотрудничество с Арменией. К примеру, посол Азербайджана в Турции Мехмет Новрузоглы Алиев подверг Туркменистан критике за поставки в Армению газа, которые, по его словам, имели стратегическое значение, и этот факт «не соответствовал принципам братства»¹. По словам одного турецкого дипломата, бакинский саммит был перенесен из-за того, что некоторые лидеры тюркских республик опасались, что их присутствие в Баку будет расценено как присоединение к «антиармянскому фронту». Эта отсрочка, по мнению других, лишь указывала на изоляцию Азербайджана от тюркских республик, ставшую заметной особенно в период президентства А.Эльчибея².

Вопреки своим заявлениям о том, что бакинский саммит не будет направлен против какой-либо страны, Г.Алиев все же заявил, что «это дело совести каждого – делать что-нибудь, когда режут их брата»³.

В конце концов, лидеры Центральноазиатских республик во время встречи в рамках Всемирного экономического форума в Давосе в начале 1994г. приняли решение о проведении второго тюркского саммита в октябре 1994г. в Стамбуле⁴. В повестку саммита было включено также обсуждение конфликта в Нагорном Карабахе, с намерением добиться солидарности с позицией Азербайджана в этом вопросе. Еще до начала работы саммита министр иностранных дел Турции Мумтаз Сойсал заявил, что «война на Кавказе является серьезной преградой во взаимоотношениях Турции с Центральной Азией, а также для отношений Центральной Азии и Европы»⁵. Цель этого заявления была ясна: склонить центральноазиатских лидеров к принятию более конкретных формулировок в отношении карабахского конфликта для их включения в итоговый документ саммита.

На Стамбульском саммите впервые карабахский конфликт отдельным пунктом упоминался в итоговой декларации. В ней было отмечено следующее: «Главы государств выразили глубокую озабоченность конфликтами в

¹ *Turkish Daily News*, 19. 01. 1994, «Азг», 27. 01. 1994.

² *Turkish Daily News*, 19. 01. 1994.

³ Там же.

⁴ Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века, М., 2001, с. 433-434.

⁵ *Ankara: Turkey has no Pan-Turkist Intentions with Summit, Deutsche Presse-Agentur*, 18. 10. 1994.

регионе, которые являются следствием открытого нарушения принципов ООН и СБСЕ, и призвали все стороны соблюдать вышеупомянутые принципы. Главы государств подчеркнули необходимость мирного урегулирования конфликта между Арменией и Азербайджаном на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН»¹.

В итоговом документе бишкекского саммита, принятом 28 августа 1995г., а также в декларации ташкентского саммита 1996г. были также включены отдельные статьи, относящиеся к карабахскому конфликту. В Ташкентской декларации этот пункт был внесен со следующей редакцией: «...Главы государств подтвердили необходимость мирного урегулирования конфликта между Арменией и Азербайджаном на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и отметили, что неурегулированность этого конфликта наносит ущерб мирному процессу укрепления доверия и безопасности в регионе»².

В декларациях последующих саммитов такая формулировка в отношении карабахского конфликта не претерпела сколь-либо серьезных изменений, хотя и Азербайджан и Турция не отказывались от планов добиться согласия центральноазиатских лидеров на использование более жестких формулировок в отношении Армении.

На первый взгляд такая формулировка должна была устраивать азербайджанскую сторону, поскольку в резолюциях ООН по карабахскому вопросу говорилось о необходимости вывода армянских войск с занятых территорий. Но одновременно эти резолюции включали также и требования к азербайджанской стороне, от выполнения которых официальный Баку всячески откращивался.

И все же ограниченность тюркской солидарности с очевидностью проявилась и во время второго тюркского саммита. Турция и Азербайджан как и во время первого саммита старались воздействовать на остальных участников для занятия последними более жесткой позиции в отношении Армении и выражения поддержки Азербайджану в карабахском вопросе. Но Н.Назарбаев выступил однозначно против определения Армении в качестве агрессора, а Гейдар Алиев выразил свое недовольство позицией центральноазиатских лидеров, отметив, что отношения между Центральной Азией и Азербайджаном находятся не на желаемом уровне³.

Было очевидно, что антиармянская позиция не принесла бы Центральноазиатским странам сколь-либо серьезных внешнеполитических дивиден-

¹ *Documents d'actualité internationale*, Paris, 1995, 15 janvier, N. 2, p. 68.

² *Уразова Е.*, Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ, М., 2003, с. 22.

³ *Gareth M., Winrow.* Turkey in Post-Soviet Central Asia, p. 30.

дов. Наоборот, в этом случае они могли бы испортить свои отношения с Арменией и, тем более, с Россией, которая могла бы в этом случае занять непримиримую позицию по отношению к странам-членам СНГ, а этого лидеры республик Центральной Азии не хотели. В случае с Туркменистаном такая формулировка была нежелательна еще и с учетом того, что Армения являлась важным потребителем туркменского газа.

Азербайджан оставался недовольным нейтральной позицией тюркских республик Центральной Азии в карабахском вопросе. В 1995г. на бишкекском саммите С.Демирель вновь призвал тюркские государства «оказать Азербайджану содействие в стремлении прекратить оккупацию азербайджанских земель Арменией»¹. Но каких-либо серьезных изменений как в первоначальной формулировке итоговой декларации в отношении карабахского конфликта, так и в исходной позиции тюркоязычных лидеров не произошло.

Как и в период президентства А.Эльчибея, так и во время правления Гейдара Алиева в отношениях Азербайджана с центральноазиатскими республиками не произошло резкого потепления. Это обстоятельство было обусловлено также геэкономическими факторами, в частности такими, как вопрос экспорта нефтегазовых ресурсов и права на некоторые месторождения в акватории Каспийского моря.

Это имело конкретные последствия и для турецко-азербайджанских взаимоотношений. Турецкая сторона понимала, что в условиях своего неокрепшего присутствия в Азербайджане Россия постепенно «возвращается» в регион, и Анкара предприняла несколько попыток по свержению режима Г.Алиева вплоть до организации покушений на азербайджанского лидера². Так, в марте 1995г. азербайджанская сторона обвинила турецкие спецслужбы в организации покушения на президента страны. Все начиналось с выступления отряда полиции особого назначения под руководством Ровшана Джавадова, которое впоследствии переросло в вооруженный мятеж с политическими требованиями. Однако Алиеву тогда удалось подавить мятеж, а его лидер был убит.

В организации покушения подозревались известный турецкий ультра-националист Абдуллах Чатлы (А.Чатлы участвовал в попытке покушения на лидера АСАЛА Акопа Акопяна – *авт.*) и турецкий профессор, сотрудник азербайджанского парламента и советник Г.Алиева Ферман Демиркол. Позже Демиркола по просьбе Анкары выдали Турции с условием, что с его сто-

¹ *Turkish Daily News*, 29. 08. 1995.

² В 1993г. в Азербайджане арестовывали турецкого студента, который обвинялся в связях с турецкой организацией «Серые волки», готовящей покушение на президента Алиева. См. Эхо, 26. 04. 2001, а также интервью с Г.Алиевым, Независимая газета 14. 03. 1993.

роны не будет никаких публичных заявлений. Однако в турецкие СМИ просочились его заявления, которые были охарактеризованы официальными лицами в Баку как «лживые». Именно на Ф.Демиркола намекал Г.Алиев, когда во время визита в Турцию вспомнил про лица, «причастные к попыткам государственных переворотов» в Азербайджане¹.

Через месяц, в апреле 1995г., в ходе своего визита в Азербайджан премьер-министр Тансу Чиллер, исключая участие официальной Анкары в этих событиях, все же принесла свои извинения у Г.Алиева, «за деятельность неуправляемых правых»². О турецком следе в попытке переворота указал и Г.Алиев в одном из своих выступлений в декабре 1996г.³.

По словам одного из лидеров турецкой оппозиции Догу Перинчека, некоторые круги в турецком руководстве решили, что пришедший после Эльчибея к власти в Азербайджане Гейдар Алиев не устраивает Анкару. Более того, тот факт, что Г.Алиев был генералом азербайджанского КГБ и в свое время курировал турецкое направление во внешней разведке, вызывал серьезные опасения в Анкаре. Азербайджанские спецслужбы установили, что А.Чатлы еще до попытки путча 1994г. общался с Эльчибеем. Однако в последний момент тогдашний премьер Демирель, узнав о планах путчистов, всего за несколько часов до покушения предупредил об этом Алиева, находившегося с официальным визитом в Европе⁴.

Уже к концу 1990-х Турция напрямую воздействует на внешнюю и внутреннюю политику Азербайджана, оказывая влияние и на ход парламентских и президентских выборов, и на расстановку кадров в аппарате правительства, в том числе в силовых структурах и в спецслужбах. Анкара активно генерирует оппозиционные силы, регулирует их отношение к действующим властям, ведет массовую пропаганду⁵. Явно прослеживаются попытки Анкары по примеру турецкой гегемонии, установленной по отношению к

¹ Независимое военное обозрение, 09. 01.1998. По утверждению американского журналиста Томаса Гольца, Анкара сыграла определяющую роль в передаче власти от А.Эльчибея Г.Алиеву после оказания С.Демирелем решающего давления на Эльчибея в этом вопросе. См. *Tomas Goltz, Azerbaijan Diary*, p. 366-368.

² *Turkish Daily News*, 14. 04. 1995, *Historical Dictionary of Azerbaijan*, p. 101. По обвинению в причастности к попытке мартовского переворота 1995г. к уголовной ответственности был привлечен также гражданин Турции, президент азербайджано-турецкого СП Кянан Гюрель. В обвинительном заключении Верховного суда Азербайджана упомянуты также заместитель главы Совета национальной безопасности Турции Ялчын Эркан. Ключевую роль в организации переворота сыграли также сотрудники посольства, в том числе советник по религиозным делам Абдургадир Севгин. Имелись также данные о причастности к перевороту экс-посла Турции в Баку Алтана Караманоглу, вскоре после подавления переворота отозванного МИД Турции на родину. См. Независимое военное обозрение, 09. 01.1998.

³ *Gareth M. Winrow, Turkey and the Newly Independent States of Central Asia and the Transcaucasus*, Middle East Review of International Affairs, Vol. 1, N 2 - July 1997 <http://meria.idc.ac.il/journal/1997/issue2/jv1n2a5.html>, *David I. Hoffman, Azerbaijan: The Politicization of Oil, in Energy and Conflict in Central Asia and the Caucasus*, London, New York, p. 74.

⁴ Независимое военное обозрение, 09. 01.1998.

⁵ *Мурадян И.*, Политика США и проблемы безопасности региона Южного Кавказа, Антарес, Ер., 2000, с. 13.

первой азербайджанской республике, поставить под свой контроль политические процессы в «братской республике» и напрямую участвовать в ротации политических элит в Азербайджане.

Очередная попытка турецких спецслужб, предпринятая для устранения Гейдара Алиева, была раскрыта в 1996г. В числе арестованных по подозрению в организации покушения числились сотрудники турецкой военной разведки и члены «Культурной ассоциации Азербайджана»¹.

В начале мая 1997г. президент Азербайджана Г.Алиев во время визита в Турцию сделал неожиданное заявление. Выступая в Анкаре перед турецкими парламентариями, он потребовал от Турции выдать лиц, причастных к попыткам госпереворотов².

Тюркские саммиты, а точнее неудачи Анкары и Баку на этих встречах, выявили явные пробелы в амбициозной неопантюркистской доктрине внешней политики Турции. Первоначальная эйфория по поводу вероятной организации «тюркского союза» постепенно угасла. По словам старшего советника по внешней политике Турции Хасана Кони, «горькая правда состоит в том, что в итоге всего этого все громкие разговоры о создании Содружества тюркских государств и имиджа Турции в этих странах оказались простой болтовней»³.

Последующие тюркские саммиты прошли в Астане (1998г.), Баку (2000г.) и Стамбуле (2001г.).

В ходе саммита в Стамбуле в апреле 2001г. азербайджанская сторона вновь постаралась внести карабахскую проблему в повестку дня с выгодной для себя интерпретацией. По инициативе турецкой и азербайджанской сторон в первоначальный текст Стамбульской декларации был внесен пункт «об оккупированных территориях Азербайджана». До начала работы саммита президент Азербайджана Г.Алиев отметил, что «если не будет возражений, этот вопрос найдет свое отражение в Стамбульской декларации»⁴.

В Стамбульской декларации карабахская проблема вновь была упомянута. Лидеры тюркских стран еще раз подтвердили свою приверженность разрешению конфликта на основе соответствующих резолюций ООН и ОБСЕ. Таким образом, старания Баку не увенчались успехом, поскольку первоначальный вариант формулировок в декларации, как видно из текста Стамбульской декларации, был изменен и, скорее всего, это произошло под давлением представителей Центральноазиатских республик.

¹ *Cumhuriyet*, 23. 06. 1996, цитируется по М.Фейган, Закавказский узел, Новый мир, 1998, N 8, с. 147.

² Независимое военное обозрение, 09. 01. 1998.

³ *The Daily Telegraph*, London, 08. 09. 1993, см. также Svante Cornell. *Small Nations, Great Powers*, p. 299-300.

⁴ Эхо, 26. 04. 2001.